

Алла Сергеевна Намазова

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1830 г. в БЕЛЬГИИ

Французский ежегодник 1972
М.: Наука. 1974. С.129-153

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы по теме добавлены в конце файла

25 августа 1830 г., менее чем через месяц после событий во Франции, в Брюсселе вспыхнула давно назревавшая революция. Вслед за Бельгией 29 ноября разгорелось восстание в Варшаве за освобождение поляков от гнета царской России. Оценивая влияние Июльской революции во Франции на подъем революционного движения в Европе, Ф. Энгельс писал: «Три дня в Париже дали сигнал для общего взрыва недовольства буржуазии, аристократии и народа во всей Европе. Аристократическая польская революция была подавлена; французской и бельгийской буржуазии удалось обеспечить себе политическую власть. Английская буржуазия также добилась этой цели посредством билля о реформе. Восстания в Италии, частью народные, частью буржуазные, частью национальные, были подавлены. А в Германии многочисленные восстания и волнения свидетельствовали о наступлении новой эры оживления народных и буржуазных движений»¹.

Бельгийская буржуазная революция завершилась отделением Бельгии от Голландии и образованием самостоятельного бельгийского государства. К. Маркс высоко оценивал значение этого факта. «Ни один человек с некоторым историческим образованием,— писал К. Маркс,— не станет отрицать, что отделение Бельгии от Голландии было в несравненно большей степени *историческим событием*, чем их соединение»².

Международное значение бельгийской революции велико. Если французская Июльская революция 1830 г. закончилась лишь сменой одной династии другой, то бельгийская по существу нанесла один из самых тяжелых ударов по всей реакционной системе Священного союза. Освященные Венским конгрессом пренебрежение к правам наций и попрание национального принципа были опровергнуты бельгийской революцией 1830 г. Трактаты Венского конгресса, установившие «политическое равновесие» в Европе, оказались не осуществимыми в новой ситуации благодаря бельгийской революции. Нидерландское королевство, созданное на основании Венских трактатов из объединенных Бельгии и Голландии, призвано было служить противовесом Франции. Освободившись в результате революции от ненавистного голландского господства, Бельгия провозгласила себя независимым королевством.

Однако крупные европейские державы вначале не хотели с этим мириться: Англия и Россия опасались, что Бельгия пожелает присоединиться к Франции (среди некоторой части бельгийцев были довольно сильны эти настроения). Царь Николай I, австрийская и прусская монархии были намерены в первый момент начать вооруженную интервенцию в Бельгии, подавить революцию и вернуть голландскому королю его взбунтовавшихся подданных. Но Англия и Франция дали понять Николаю I и его союзникам, что не допустят вторжения в Бельгию. Натолк-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 577.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 42.

нувшись на противодействие, Пруссия и Австрия отказались от этой мысли, царское же правительство дольше других продолжало настаивать на интервенции, но также вынуждено было отказаться. Этому способствовало восстание в Варшаве в ноябре 1830 г. Вопрос о судьбе Бельгии был перенесен на Лондонскую конференцию держав.

Все эти сложные перипетии привели к тому, что в течение почти года представители пяти европейских стран не могли решить судьбу маленькой Бельгии и выработать такие условия ее существования, которые примирили бы противоречивые интересы стран — участниц Лондонской конференции. После долгих дипломатических переговоров, которые показали дальнейшее углубление противоречий между основными европейскими державами, независимость Бельгии была признана.

Документы Архива внешней политики России этого периода мало изучены советскими исследователями³. Между тем они позволяют раскрыть позиции России, Франции, Англии, Австрии и Пруссии в бельгийском вопросе. В переписке русских посланников в Нидерландах (Н. Д. Гурьева и Т. Голицына) и во Франции (Полдо ди Борго) с Ливенем и Матушевичем, представителями России на Лондонской конференции, а также в их переписке с Нессельроде содержится немало ценных сведений, повествующих об интригах европейской дипломатии во время конференции. В делах АВПР, на основе которых написана эта статья, содержится много дипломатических документов, большое количество номеров бельгийских и голландских газет. Царские дипломаты посылали в русское министерство иностранных дел газеты, которые освещали наиболее важные события в Бельгии и Голландии в этот период.

* * *

Бельгийская революция, начавшаяся 25 августа 1830 г., охватывала все новые и новые города. Попытка голландского короля подавить революцию с помощью регулярных войск закончилась неудачей. 26 сентября после ожесточенной четырехдневной битвы с восставшими брюссельцами, на помощь которым в решительную минуту прибыли волонтеры из Льежа, голландские войска во главе с сыном короля принцем Фридрихом вынуждены были отступить, потерпев позорное поражение. В Брюсселе было образовано Временное правительство, в состав которого вошли представители буржуазии различных направлений: демократ Луи де Поттер, либералы Шарль Рожье, Александр Жандебьен, Сильвен Вап де Вейер, католики Феликс де Мерод, Эмманюэль Вандерлинден Огворст и другие⁴.

Нидерландский король, убедившись, что подавить революцию собственными силами невозможно, вынужден был обратиться за военной помощью к четырем европейским государствам. В донесении от 2 октября 1830 г. Гурьев писал Нессельроде, что нидерландское «правительство считает себя бессильным прекратить восстание. Оно взывает поэтому к державам, чтобы они спасли, если есть еще время, свое создание и подавили заразу революционных учений в одном из ее наиболее грозных очагов»⁵.

В личном письме Николаю I нидерландский король также писал, что смута в Бельгии далеко еще не достигла своего предела. Вильгельм I подчеркивал, что вопрос о военной помощи затрагивает не только его собственные интересы, но и интересы всей Европы. Доказывая необходимость военной поддержки, Вильгельм утверждал, что «предоставленное самому себе, восстание в ...королевстве явится... серьезной опас-

³ Небольшая часть документов опубликована в журнале «Красный архив», 1941, № 1, стр. 199—248.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 42, лл. 113—114.

⁵ Там же, лл. 108—109.

ностью, что оно парализует назначение Нидерландов в европейской системе»⁶.

В ответ на это послание русский император писал: «Интересы всех правительств и мир всей Европы затрагиваются событиями в Бельгии. Проникнутый этими убеждениями, я готов выполнить в согласии с моими союзниками взятые на себя обязательства во всем их объеме, и в части, касающейся меня, я не колеблюсь ответить на призыв вашего величества: уже отдан приказ»⁷.

В отношении русского министерства иностранных дел, переданном нидерландскому поверенному в делах в Петербурге О'Сюлливану де Грассе, всем четырем кабинетам предлагалось «предварительно сговориться о мероприятиях»⁸ по подавлению «мятежа» в Бельгии. Иными словами, речь шла о военной интервенции.

Какую же позицию занял каждый из пяти европейских дворов в вопросе о военной интервенции в Бельгии? Документы АВПР позволяют раскрыть позицию России в этом вопросе и в то же время проливают свет на политику других держав.

Царская Россия, как уже говорилось выше, готова была поддержать этот план. Бельгийская революция, как и французская, убеждала в том, что необходимо принять энергичные меры и подавить народные революционные выступления. На докладе вице-канцлера Нессельроде от 8 октября 1830 г. по бельгийским делам царь сделал следующую надпись: «Не Бельгию желаю я там побороть, но всеобщую революцию, которая постепенно и скорее, чем думают, угрожает нам самим, если увидят, что мы трепещем перед нею»⁹. Через несколько дней на другом докладе Нессельроде, от 30 октября, по тому же бельгийскому вопросу царь написал: «Нет больше возможности идти назад: наше достоинство предписывает нам взять на себя инициативу, поэтому вам нужно приготовить ноту к трем правительствам, в которой укажете на необходимость положить военной силой предел революции, всем угрожающей»¹⁰.

Царь был убежден, что если на французских границах появится двадцатитысячная армия «красных мундиров», то этого будет достаточно для умирения французов и бельгийцев. Николай I официально объявил английскому правительству о своей готовности немедленно выставить армию для поддержания «соединения Бельгии с Голландией». (Депеша Нессельроде от 1(13) октября 1830 г.)¹¹ Из этих документов явствует, что Николай I первоначально готов был предоставить войска нидерландскому королю для подавления «мятежа». В депеше министерства иностранных дел России от 1(13) октября, адресованной русскому посланнику в Нидерландах графу Гурьеву, сообщалось о том, что русский император уже приказал сформировать армию, готовую перейти границы империи по первому сигналу. Правда, царь ставил условие, согласно которому его действия должны полностью совпадать с действиями союзников.

Следует заметить, что позиция французского правительства, «намеревающегося оказать сопротивление даже силой оружия всякой попытке иностранной державы бороться с бельгийской революцией»¹², вызывала серьезное беспокойство в правительственных кругах царской России. Об этом свидетельствует одна из депеш Гурьеву, в которой Нессельроде писал: «...Посылка помощи королю Нидерландов поставит нас перед выполнением двойной задачи: помочь ему привести к послушанию его вос-

⁶ «Красный архив», 1941, № 1, стр. 218.

⁷ Там же, стр. 230.

⁸ Там же, стр. 234.

⁹ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 42, лл. 116—117.

¹⁰ «Красный архив», 1941, № 1, стр. 222.

¹¹ Ф. Маргенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XI. СПб., 1895, стр. 438.

¹² «Красный архив», 1941, № 1, стр. 235.

ставших подданных и не допустить, чтобы наша интервенция привела к всеобщей войне. Но для достижения этой цели необходимо сотрудничество Англии, так как мы знаем, что это единственное средство воздействовать на французских революционеров, особенно боящихся морской войны и губительных последствий, которые она может иметь для промышленности и торговли Франции»¹³. Несмотря на эти опасения, царское правительство предприняло практические шаги к осуществлению планов вторжения в Бельгию и во Францию.

Прежде всего Николай I решил узнать точку зрения своих союзников — Австрии и Пруссии. Для этого 16(28) августа в Вену отправился чрезвычайный посол русского императора генерал-адъютант граф Орлов, а спустя три дня с подобным же поручением отбыл фельдмаршал Дибич-Забалканский, пользовавшийся исключительным доверием Николая I. Ярый реакционер и крепостник, Дибич был решительным сторонником военной интервенции во Францию и Бельгию.

8 сентября Дибич прибыл в Берлин и тут же был принят прусским королем. На Фридриха Вильгельма произвело удручающее впечатление недавно полученное известие о восстании бельгийцев против голландского короля, поэтому прусский король заявил, что полностью разделяет взгляды Николая I и, подобно ему, считает войну с Францией неизбежной. Правда, Фридрих Вильгельм добавил, что не хотел бы быть нападающей стороной. Но вскоре взгляды прусского монарха изменились. К тому времени Англия уже признала новое французское правительство, то же самое собиралась сделать и Австрия, король Пруссии решил последовать их примеру. Действительно, через два дня после прибытия Дибича в Берлин Фридрих Вильгельм признал Луи Филиппа «королем французов». Однако это признание отнюдь не помешало прусскому правительству приступить к рассмотрению военных планов, привезенных русским посланником.

После длительных обсуждений этих планов Дибич 21 сентября (3 октября) отправил в Петербург большой доклад, в котором подробно писал о революции в Бельгии и предлагал ряд конкретных мероприятий на случай европейской войны¹⁴. Дибич сообщал в этой депеше, что Пруссия выступит лишь в том случае, если Россия обеспечит ей поддержку. Русский фельдмаршал излагал составленный им и одобренный прусским командованием план движения русских войск (в составе гвардии, армии царства Польского и пяти армейских корпусов) в Германию, до реки Одер. «Дальнейшее продвижение войск будет зависеть от хода событий и от того, как сложатся тогда обстоятельства», — писал Дибич. «Первая мысль, которую мы здесь сформулировали, такова: большая часть прусских войск при поддержке одного или двух корпусов нашей армии вступит в Бельгию и во Фландрию, в то время как основная масса наших войск, подкрепленная тремя прусскими корпусами, направится через Шампань к французской столице. На юге, в районе Верхнего Рейна, австрийцы с тремя корпусами Германского союза опрокинут сначала слабый натиск со стороны Эльзаса, а затем двинутся в центр Франции»¹⁵.

Одобрив планы Дибича, Николай I поспешил начать подготовку к их осуществлению. 5(17) октября он писал своему военному министру Чернышеву: «Депеши, только что полученные мною, таковы, что надо принять безотлагательные меры для нашего выступления в поход. Король Нидерландский пишет мне, прося на основании существующих трактатов о вооруженной помощи. Нетерпение Вильгельма так велико, что он просит меня послать часть войск, если это возможно, морем. Вы сами понимаете, что это дело неосуществимое в настоящее время года. Если бы

¹³ Там же.

¹⁴ Полностью это донесение Дибича опубликовано (на французском языке) в «Сборнике Русского Императорского Исторического общества», т. 122, стр. 318—324.

¹⁵ Там же, стр. 323.

эта запоздавшая просьба пришла месяцем раньше, то все меры были бы приняты для ее удовлетворения. Теперь же речь идет о следующем: вы уведомите фельдмаршала Сакепа, что 1-й и 2-й корпуса должны быть приведены в состояние военной готовности. Вы знаете уже, что 5-му резервному кавалерийскому корпусу дано приказание двинуться в Вольскую губернию, чтобы приблизиться к границе. Завтра я посылаю приказание 3-му резервному кавалерийскому корпусу (уже переведенному на военное положение) идти в Подолью и расположиться там. 3-й пешотной дивизии дано приказание сосредоточиться в Вильне. Вот чем ограничиваются меры, уже принятые»¹⁶.

В письме Дибичу от 13 ноября Николай I хвастливо заявлял, что военные приготовления идут хорошо, и русская армия сможет выступить в поход к 22 декабря, чтобы проучить «якобинцев всех стран». Так же воинственно был настроен и военный министр Чернышев, который в письме к Дибичу от 21 ноября писал: «Нора противопоставить железный барьер этому ужасному потоку, который через год, а может быть, и через несколько месяцев затонит добрую половину Европы; где найти тогда средства сопротивления?»¹⁷

Однако внутреннее положение России в это время было очень тяжелым; министр финансов и министр иностранных дел не разделяли настроений военных кругов и самого императора. 22 октября Пессельроде писал Дибичу, что, поскольку Англия противится вооруженному выступлению против Бельгии, Пруссия не может туда послать более 25 тыс. солдат, а русская помощь подоспеет лишь через несколько месяцев, военное вмешательство в бельгийские дела становится неосуществимым. Невозможность его Пессельроде обосновывал и ссылками на тяжелое внутреннее положение империи: «В очень многих губерниях, — писал он, — свирепствует холера, их пришлось поэтому освободить от рекрутского набора; внутренняя торговля остановилась в результате мер, которые пришлось принять, чтобы помешать распространению этого бича. Урожай был плох, и налоги поступают слабо. И при таких-то предзнаменованиях мы приступаем к приготовлениям к войне, последствия которой может предсказать один лишь бог»¹⁸.

Это письмо отрезвляюще подействовало на воинственно настроенного Дибича. Но еще более неприятным было для него другое письмо Пессельроде, от 9(21) ноября, где он писал: «Я провел утро на очень печальном заседании, на котором Канкрин¹⁹ развернул перед нами картину нашей финансовой пужды. Не разделяя полностью его мнения насчет нашей несостоятельности, я должен, однако, согласиться с тем, что источники займов и некоторых других чрезвычайных мер совершенно иссякли. Без субсидий от Англии я не знаю, где мы найдем средства на войну, продолжительность которой никто предсказать не может»²⁰.

Военный министр России Чернышев также вынужден был признать тяжелое положение России. Однако Николай I продолжал готовиться к войне, по этим замыслам русского императора не суждено было осуществиться, поход против бельгийской революции не состоялся. В конечном итоге оказалось, что одно только царское правительство готово выступить в роли интервента. К тому же 29 ноября 1830 г. в Польше началось восстание, которое заставило Николая окончательно отказаться от предоставления военной помощи Голландии, и тогда царь был вынужден согласиться на открытие в Лондоне конференции, задачей которой было мирное урегулирование бельгийско-голландского вопроса.

Какова была позиция Англии в бельгийском вопросе? О настроении

¹⁶ *Н. К. Шильдер*. Император Николай Первый, т. II. СПб., 1903, стр. 574--575.

¹⁷ Там же, стр. 577.

¹⁸ Там же, стр. 309.

¹⁹ Канкрин — министр финансов.

²⁰ *Н. К. Шильдер*. Указ. соч., т. II, стр. 319.

английских правящих кругов можно судить по переписке Ливена и Матушевича с МИД России. Делегаты русских представителей на Лондонской конференции подтверждают, что положение правительства Веллингтона осенью 1830 г. было сложным и настолько непрочным, что оно не в состоянии было принять какое-либо твердое решение. Англия настаивала на заключении перемирия между Бельгией и Голландией. Вместе с тем британское правительство заявляло, что не допустит присоединения бельгийских провинций к Франции. Веллингтон опасался возникновения общеевропейской войны, крайне нежелательной для Англии, и в то же время он боялся последствий малейшего давления на бельгийцев с целью заставить их уменьшить свои претензии. Такое давление могло бы вызвать вооруженное вмешательство Франции, которое неизбежно повлекло бы за собой противодействие Англии. 16 ноября произошло смена английского кабинета: Веллингтон подал в отставку, лорд Грей был назначен премьер-министром, а Пальмерстон — статс-секретарем по иностранным делам. Несмотря на перемены в английском правительстве, курс его политики в бельгийском вопросе оставался прежним — не допустить военного вмешательства в бельгийские дела.

Что касается Франции, то для нее помощь нидерландскому королю означала восстановление прежнего положения вещей, т. е. восстановление Нидерландского королевства, создание которого в 1815 г. было направлено непосредственно против Франции. Трудно было ожидать, что Франция примет участие в восстановлении невыгодного для себя положения вещей. Как только было получено известие о бельгийских событиях, французский министр иностранных дел заявил прусскому послу, что его правительство не может допустить вступления в Бельгию иностранных войск для подавления восстания и что всякое вооруженное вмешательство заставит Францию объявить войну вмешавшемуся.

Что же касается Пруссии, то она, по мнению русского императора, могла свободно распоряжаться своей армией. Однако после такого решительного заявления Франции Пруссия отказалась от своего первоначального замысла оказать военную помощь Вильгельму I против восставших бельгийцев. Россия пыталась сломить решение Пруссии. В докладе Николаю I по этому поводу говорилось: «Графу Дибичу не удалось побудить Пруссию к изолированному выступлению, которое она считает слишком запоздавшим, чтобы спасти крепости, и слишком компрометирующим по отношению к Франции... С другой стороны, она признает необходимость совместного выступления четырех держав и имеет в виду предпринять необходимые шаги, чтобы вызвать мероприятия и декларации, вследствие которых статьи существующих договоров были бы немедленно применены к восстанию в Бельгии»²¹.

Австрийский император, ссылаясь на «географическое положение» своей страны, отвечал, что может оказать Голландии только моральную поддержку. Слабость австрийской армии и необходимость держать сильные гарнизоны в Северной Италии, где национально-освободительное движение получило после Июльской революции новый импульс, исключали всякое участие монархии Габсбургов в войне против Бельгии. Таким образом, интервенцию в Бельгию не поддерживала ни одна из великих держав, и обсуждение бельгийского вопроса было решено передать на рассмотрение участников Лондонской конференции.

Лондонская конференция открылась 2 ноября 1830 г. Ее участниками были представители пяти государств: от России — Ливен и Матушевич, от Англии — лорд Пальмерстон, от Франции — Талейран, от Австрии — Эстергази и Вессберг, от Пруссии — Бюлов.

Первый протокол, принятый Лондонской конференцией 4 ноября 1830 г., постановил предложить обеим сторонам прекратить военные дей-

²¹ «Красный архив», 1941, № 1, стр. 222.

ствия и каждой из них вывести свои войска за пределы той линии, которая разделяла Бельгию и Голландию до 1814 г. Это перемирие давало возможность пяти державам обсудить положение и найти из него выход. Лондонская конференция стремилась прежде всего примирить противоречивые интересы всех стран. Следует отметить, что возможность иностранного вмешательства с целью подавить революцию в Бельгии не была окончательно отвергнута. Протокол от 4 ноября показал также, что теперь в центре внимания была не только Голландия, но и Бельгия, вопрос о ее существовании и положении в Европе.

Решение бельгийского вопроса могло заключаться в том, чтобы насильно привести Бельгию к повиновению. Однако великие державы не пошли по такому пути, самой последовательной противницей этого плана выступила Франция.

Убедившись в невозможности реставрации в Бельгии старого порядка, Австрия, Пруссия и Россия готовы были примириться с независимым существованием Бельгии, но при обязательном соблюдении двух условий. Во-первых, Бельгия не должна была разрывать окончательно своих связей с Голландией, и ее отношения с Голландией должны были исключать возможность присоединения к Франции. Во-вторых, освобождение бельгийцев не должно было нанести урон той системе укреплений, которая была воздвигнута в Нидерландском королевстве трактатами Венского конгресса.

Позиция, занятая Англией, как уже говорилось выше, была менее определенной. Вполне понятно, что английскому правительству трудно было согласиться с невозможностью существования Нидерландского королевства, детища английской дипломатии.

Среди всех этих противоречий был один пункт, по которому между четырьмя державами была полная солидарность. Они всеми силами старались не допустить присоединения Бельгии к Франции. Все они готовы были пойти на компромисс и признать независимость Бельгии, ибо, по их твердому убеждению, независимость Бельгии от Голландии была вместе с тем и независимостью от Франции.

Францией же в этом вопросе руководили иные интересы: целью ее было ослабить или совсем уничтожить направленную против нее линию крепостей. События, совершившиеся в Бельгии, облегчали выполнение этой цели, поэтому первой задачей Франции было добиться от других стран одобрения распада прежнего Нидерландского королевства. В инструкции, данной Талейрану, говорилось: «...единственный возможный базис соглашения при существующих обстоятельствах заключается в том, чтобы Бельгия была отделена от Голландии и сделана независимым государством под властью суверенного государя»²².

Таковы были позиции по бельгийскому вопросу, занятые главными европейскими государствами на Лондонской конференции.

Между тем в Брюсселе 10 ноября открылся Национальный конгресс, который торжественно провозгласил независимость Бельгии от Голландии в результате революции. Национальному конгрессу предстояло решить два других важных вопроса — о выработке конституции и о выборе короля на бельгийский престол. Для выработки конституции была назначена комиссия, в которую вошли: ван Меенец, губернатор Южного Брабанта, де Герлах, бывший придворный советник, адвокаты Тильманс, Бален, Луд, Торн, де Брукер и Табри²³.

По второму вопросу в Бельгии существовало несколько мнений. Среди богатых промышленников и коммерсантов Гента, Льежа и Антверпена раздавались голоса в пользу Оранского дома. Об этом свидетельствуют «Заметки о положении Бельгии и ее чаяниях», помеченные грифом

²² «Mémoires du prince de Talleyrand», vol. III. Paris, 1891, p. 377.

²³ АВР, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 42, л. 128.

«Confidentielle», найденные в одном из дел Архива внешней политики России²⁴. Основной вывод неизвестного нам автора «Заметок» — необходимость возобновления союза с Голландией. «...Бельгия может найти счастье только в установлении своих связей с Голландией, — говорится в этом документе, — чаяния бельгийцев связаны с именем принца Оранского, который бы ими управлял»²⁵. Другой документ, свидетельствующий о политических настроениях бельгийцев, который Гурьев счел необходимым переправить в Петербург, гласит: «Партия оранжистов очень многочисленна здесь, в Генте, в части обеих Фландрий и даже в Брюсселе, она менее популярна в Льеже и Монсе и насчитывает мало сторонников в других маленьких пограничных городах, которые хотели бы прежде всего присоединиться к Франции... Оранжистская группировка представляет собой класс благонамеренных буржуа, лавочников, ремесленников и даже рабочих; все это люди, среди которых духовенство и аристократия страны имеют наибольшее влияние. Сторонники оранжистов есть также среди офицеров, которые хотели бы поставить принца Оранского во главе правительства»²⁶.

Однако большинство Национального конгресса выступило против кандидатуры принца Оранского. Более того, 23 ноября депутат конгресса от католической партии Роденбах внес предложение запретить на вечные времена представителям Оранского дома занимать бельгийский престол. Роденбах говорил, что «Вильгельм вел себя как король одной лишь Голландии, по отношению к Бельгии он был лишь деспотом и тираном... Те, которые хотят провозгласить нашим королем принца Оранского, должны подумать о следующем: как войдет этот принц через те самые ворота, откуда недавно с позором бежал его брат и трусливые голландские солдаты? Как войдет он в тот дворец, где пушка провозгласила фатальный декрет об устранении короля? Что станет он делать со сломанными, разбитыми и разбросанными статуями своего отца? Как сумеет внушить доверие к себе сын клятвопреступного отца? Какую искупительную жертву возложит он на гроб храбрецов, похороненных на площади мучеников?»²⁷

Предложение об отстранении Оранской династии было принято 151 голосом против 38.

Пока Национальный конгресс в Брюсселе обсуждал вопрос об избрании короля на бельгийский престол и проект конституции, Лондонская конференция добилась временного прекращения военных действий между Бельгией и Голландией и стала рассматривать те меры, которые могли бы при сохранении независимости Бельгии обеспечить желаемое равновесие в Европе.

20 декабря 1830 г. все пять великих держав окончательно признали независимость Бельгии и отстранение Вильгельма I от бельгийского престола. Однако в этом протоколе была оговорка, согласно которой конференции предстояло еще заняться «обсуждением и выработкой новых начал, способных сочетать будущую независимость Бельгии с условиями договоров, с интересами и безопасностью других государств и с сохранением европейского равновесия»²⁸.

Решение Лондонской конференции об отстранении Вильгельма I от бельгийского престола вызвало протест голландского кабинета. В подробном донесении от 28 декабря 1830 г. Гурьев писал Нессельроде, что протокол Лондонской конференции от 20 декабря произвел на короля крайне неприятное впечатление. Вильгельм I надеялся, что державы будут настроены по отношению к нему благоприятно, сообщал посол. Вместо этого

²⁴ Там же, д. 894, лл. 167—175.

²⁵ Там же, л. 170.

²⁶ АВВР, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 9234, л. 74.

²⁷ «Discussions du Congrès National de Belgique», vol. I, Bruxelles, 1844, p. 262.

²⁸ В. Гольде. Постоянно нейтральное государство. СПб., 1905, стр. 140.

«Голландия оставлена на произвол судьбы»²⁹, — жаловался нидерландский король.

Фальк, представитель нидерландского правительства на Лондонской конференции, заявляя протест, говорил об административном отделении как возможном средстве умиротворить Бельгию и сохранить за королем власть над нею. Вскоре появился протест и от Вильгельма³⁰. В резких выражениях король жаловался на то, что «конференция вместо того, чтобы способствовать успокоению Нидерландов, занялась разрушением королевства, делом, которое вряд ли может войти в чью-либо компетенцию»³¹. Этот королевский протест не был занесен в протокол конференции и оставлен без всякого ответа. Признав независимость Бельгии, конференция затем точно определила границы обоих государств. Что касается государственного долга бывшего Нидерландского королевства, то на долю Бельгии пала почти половина долга. Это решение Лондонской конференции не могло, естественно, удовлетворить Бельгию, которая должна была заплатить слишком дорого за согласие Европы признать совершившееся отделение от Голландии. Неудивительно поэтому, что Национальный конгресс 1 февраля выразил протест против решений Лондонской конференции.

Недовольство Бельгии было на руку Голландии, и 19 февраля правительство Вильгельма I официально заявило, что оно признает для себя обязательным постановление конференции. Это означало, что Вильгельм впервые санкционировал революцию и отказался от всяких претензий на Бельгию.

Внутреннее положение Бельгии в это время было очень сложным. Ее независимость была признана подписавшими Парижский мир державами, они же косвенно заставили Вильгельма признать эту независимость, а теперь Бельгия протестовала против решения этих государств и отказывала им в праве вмешиваться в ее спор с Голландией. Маленькая Бельгия бросила вызов не только своему бывшему государю, но и Англии, Франции, Австрии, России и Пруссии. Эта смелость в большой степени объяснялась тем, что Франция тайно поддерживала брожение в Бельгии и, желая сохранить там свою популярность на случай каких-либо осложнений, не подписала акта конференции, определившего точные условия мира между Бельгией и Голландией.

Что касается Австрии, то ей вовсе было не до войны — она была занята в это время итальянскими делами; Россия также не была свободна, ей пришлось усмирять польское восстание. Англия под страхом банкротства своих либеральных традиций не хотела брать на себя роль европейского жандарма и навязывать Бельгии нежелательный ей мир. Пруссия же отлично понимала, что вступление прусской армии в пределы Нидерландов для поддержки Вильгельма I будет встречено Францией не только протестом, но и переходом ее войск через франко-бельгийскую границу. Взаимные раздоры великих держав и революционные настроения в Европе, безусловно, внушали бельгийскому Национальному конгрессу смелость и побуждали его к протесту против решения европейских государств. Поведение бельгийского конгресса было доказательством силы революции и в то же время свидетельствовало о слабости большинства стран Европы.

Между тем Национальный конгресс Бельгии приступил к избранию короля. Число претендентов на бельгийский престол было довольно велико: сын Луи Филиппа герцог Немурский; герцог Лейхтенбергский; эрцгерцог Карл, герцог Рейхштадский; брат неаполитанского короля, принц Капуанский; герцог Луккский; герцог Саксонский; принц Сальм-

²⁹ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 9234, л. 36.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

ский; принц Кариньянский; принц де Линь; Сюрле де Шокье, Феликс де Мерод, Шарль Рожье, Лафайет, Шатобриан и т. д.³²

Еще до созыва конгресса Временное правительство Бельгии отправило Жандебьена в Париж и Ван де Вейера в Лондон, чтобы узнать отношение французского и английского правительств к кандидатуре герцога Немурского. В Лондоне Ван де Вейеру дали понять, что кандидатура герцога Немурского не будет одобрена Англией, ибо Англия видит в ней попытку Франции увеличить свое влияние в Бельгии, чтобы впоследствии присоединить ее к своим владениям. Почти таким же категоричным был ответ французского правительства Жандебьену: Франция не скрывала возможности общеевропейской войны в случае провозглашения герцога Немурского бельгийским королем и утверждала, что она не желает войны и что сохранение общего мира — в интересах самой Бельгии.

Кандидатура герцога Немурского, таким образом, была отведена двумя влиятельными кабинетами Европы, и дипломатия тогда выдвинула новую кандидатуру — принца Оттона Баварского. Но этот малолетний принц в качестве возможного претендента на престол вызвал лишь недоумение в Бельгии. Бельгийский конгресс остановил свое внимание на третьем кандидате — на герцоге Лейхтенбергском, сыне Евгения Богарне. Однако эта кандидатура не устраивала Луи Филиппа, не желавшего видеть у французской границы очаг бонапартизма. 21 января 1831 г. французский министр иностранных дел сообщил дипломатическому комитету Бельгии, что французское правительство «увидит в избрании герцога Лейхтенбергского комбинацию, способную нарушить спокойствие Франции, и самым категоричным образом заявляет, что оно не признает этого выбора»³³.

Бельгия оказалась, таким образом, в очень затруднительном положении. Лондонской конференции пришлось считаться с мнением французского короля, и она вынуждена была принять специальный протокол о принце Августе Лейхтенбергском. В этом документе говорится, что ни один из пяти дворов не признает принца Августа Лейхтенбергского в качестве суверена Бельгии в случае, если он будет признан брюссельским конгрессом³⁴.

Несмотря на то, что Луи Филипп официально заявил, что не примет бельгийскую корону для герцога Немурского, кандидатуру этого принца все-таки тайно поддерживали в Брюсселе французские агенты. Вероятно, для того чтобы обеспечить успех этой агитации, французский министр иностранных дел Себастиани заявил, что не соглашается с последними протоколами Лондонской конференции (от 1 февраля). В то же время он дал понять, что Бельгия лишится французской дружбы, если признает своим государем герцога Лейхтенбергского. Россия, Австрия и Пруссия, напротив, старались выказать свое расположение этому кандидату не столько для того, чтобы добиться для него победы, сколько для того, чтобы принудить его соперника снять свою кандидатуру. В день выборов велась ожесточенная борьба между сторонниками герцога Немурского и герцога Лейхтенбергского. В результате голосования на бельгийский престол был избран герцог Немурский. Из Брюсселя в Париж была тотчас отправлена делегация во главе с председателем конгресса Сюрле де Шокье. Луи Филипп отказался дать разрешение своему сыну принять бельгийскую корону и заявил, что «пример Людовика XIV и Наполеона должен служить предостережением против губительной попытки создавать троны для своих сыновей»³⁵. Вернувшись из Парижа, Сюрле де Шокье сообщил об этом конгрессу. Национальный конгресс постановил продлить свои полномочия до выборов нового короля и назначил времен-

³² Л. Бергран. История демократии и социализма в Бельгии с 1830 г. М., 1907, стр. 46—47.

³³ АВРР, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 894, лл. 176—177.

³⁴ Там же.

³⁵ «Mémoires du prince de Talleyrand», vol. III, p. 440.

ным регентом королевства барона Сюрле де Шокье, предоставив ему почти королевскую власть. Временное правительство подало в отставку, и Шокье поручил де Герлаху составить первое министерство свободного и независимого бельгийского королевства.

Однако в этот момент Бельгии стала угрожать серьезная опасность со стороны Лондонской конференции. Отказ Национального конгресса признать продиктованные Бельгии и Голландии условия мира, отсутствие подходящего кандидата на бельгийский престол, внутреннее брожение, охватившее страну вследствие неопределенности положения, происки оранжистов — все это явно раздражало дипломатов, среди которых появилось течение в пользу разделения Бельгии между Англией, Францией, Пруссией и Голландией. Бельгии грозила участь Польши. Вполне возможно, что слухи о планах раздела Бельгии были пущены с расчетом повлиять на слишком смелый конгресс и заставить его или принять условия мира, или поскорее покончить с регентством и с другими временными мероприятиями и избрать короля, удобного всем европейским дипломатам.

Рассмотрим, какова была позиция России в вопросе о выборе короля на бельгийский престол. В письме от 15 ноября 1830 г. Матушевич предложил Нессельроде план действий в бельгийском вопросе, который впоследствии был принят Лондонской конференцией, а также одобрен царским правительством. Матушевич в этом письме писал: «Что касается бельгийского дела, вот план, который мне представляется наиболее практичным. Посмотрим сперва на наше положение. Во-первых, мы не можем вмешаться с оружием в руках. Ни Англия, ни Австрия, ни Пруссия не намерены вмешиваться. Почему это должна сделать Россия?.. Меня спросят, что следует делать? Прежде всего не пробовать невозможного и затем сделать две следующие простые вещи: во-первых, противопоставить беспорядку единственное средство, дающее некоторый луч надежды. Во-вторых, спасти Бельгию от Франции и Голландию от Бельгии... пять держав гарантируют сообща, посредством протокола или трактата, существование бельгийского королевства и объявляют, что ни одна из них не может ни в каком случае ни нападать на него, ни занимать его без согласия четырех других держав, и что кроме этого они гарантируют равным образом Голландию от всякого нападения со стороны Бельгии»³⁶. Это был план нейтралитета, который русский император вначале отклонил, так как он считал, что война неизбежна. Однако восстание в Польше изменило первоначальные замыслы Николая I.

В декабре 1830 г., когда польское восстание было уже в полном разгаре, русским уполномоченным на Лондонской конференции были даны инструкции, согласно которым они должны были стараться: 1) сохранить владение Бельгией за Нассауским домом, 2) согласиться на полное отделение Бельгии от Голландии, потому что этого формальным образом желает нидерландский король, и 3) не соглашаться на вступление на бельгийский престол представителя иностранной династии, за исключением Оранской, владевшей Бельгией в течение 15 лет. Семейным актом должны были быть определены взаимные отношения между Бельгией и Голландией³⁷. Как видим, в этой инструкции и речи нет о вооруженном вмешательстве России или Англии в бельгийские дела. Факт полного отделения Бельгии от Голландии признается вполне возможным, но вместе с тем рекомендуется предложение Матушевича о сохранении тесной связи между обеими странами при помощи семейного акта и коммерческого союза. 8 декабря русские уполномоченные подписали протокол Лондонской конференции, которым признавалась независимость Бельгии от Голландии. И Ливен и Матушевич опасались, что попытка заставить бель-

³⁶ Ф. Маргенс. Указ. соч., стр. 441—442.

³⁷ Там же, стр. 443.

гийцев вернуться под власть нидерландского короля побудила бы их броситься в объятия французов. В совместном донесении от 12 декабря 1830 г. русские уполномоченные писали, что «эта независимость лучше французской оккупации»³⁸. Соглашаясь на провозглашение независимости Бельгии, Россия стремилась добиться признания вечного нейтралитета Бельгии с целью превратить эту страну в «барьер против Франции». Россия настаивала также и на том, чтобы отделение Бельгии от Голландии не нарушало специальных ее прав по «голландскому долгу», установленному конвенцией 1815 г.

Нидерландский король Вильгельм I согласился наконец утвердить декабрьский протокол Лондонской конференции и, стало быть, признать независимость Бельгии. Но при этом он поставил свои условия: относительно обоюдных границ, о разделении государственных долгов, о торговле бельгийцев с голландскими колониями.

Николай I, соглашаясь одобрить декабрьский протокол, также поставил свои условия. Прежде всего царь протестовал против так называемого «права невмешательства», которым решило воспользоваться французское правительство. Известно, что английское правительство также поддерживало этот принцип и считало его лучшей гарантией европейского мира. Русское правительство заявило, что оно никогда не признает этого принципа и, в частности, его применения к бельгийской революции. Другое условие, поставленное Николаем I, касалось взаимных отношений Бельгии и Голландии в будущем. Царь настаивал на сохранении связей между обеими странами. Он предписал своим уполномоченным на конференции «настаивать на избрании принца Оранского на бельгийский престол... Если эта кандидатура будет отвергнута, то русские уполномоченные обязаны сделать особое заявление... что только избрание принца Оранского представляет все выгоды, и не установить этой связи между Бельгией и Голландией значит в действительности присоединить Бельгию к Франции»³⁹. По мнению Николая I, возвращение бельгийцев под власть Оранского дома было бы победой, одержанной над революцией.

Согласно инструкциям, полученным из Петербурга, Ливен объявил английскому правительству, что не подпишет акта, которым бельгийская корона будет предложена не принцу Оранскому. Грей и Пальмерстон в свою очередь также заявили, что они хотели бы избрания принца Оранского. Но принц потерял в Бельгии всякий авторитет и имеет там мало приверженцев. Навязывать же Оранского силой оружия — значит заставить бельгийцев обратиться за помощью к французам, чего не хотела допустить ни одна из великих держав.

Следует отметить, что поведение нидерландского короля еще более осложняло и без того запутанный бельгийский вопрос. Вильгельм I то отменял блокаду Шельды и Антверпена, то опять ее восстанавливал; то он давал своему сыну разрешение вступить на бельгийский престол, то опять отказывал в разрешении. В октябре 1830 г. король согласился на избрание принца Оранского, а в январе 1831 г. настаивал на своих собственных правах на бельгийский престол.

Между тем Лондонская конференция продолжала свою работу. Талейран от имени французского короля потребовал на конференции «исправления» французских границ, в силу которого герцогства Люксембургское и Бульонское вместе с некоторыми бельгийскими крепостями должны были отойти к Франции. Однако эта попытка не увенчалась успехом, и Талейран через несколько дней подписал декларацию, по которой великие державы отказывались увеличивать свои территориальные владения за счет Бельгии. Протокол от 20 января 1831 г. определил границы Бельгии и провозгласил ее вечный нейтралитет.

³⁸ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 9234, л. 69.

³⁹ Ф. Мартенс, Указ. соч., стр. 449.

Вопрос о выборе бельгийского короля снова откладывался на неопределенное время. Кандидатура герцога Немурского была отвергнута, принц Оранский, судя по донесениям Гурьева и Голицына, также не мог надеяться на избрание. Англия в конце апреля 1831 г. осторожно выдвинула свою кандидатуру, которую она уже давно держала в запасе — принца Леопольда Саксен-Кобургского, которого еще в 1830 г. собирались сделать греческим королем. Франции дали понять, что этот будущий бельгийский король вступит в брак с дочерью Луи Филиппа.

В Бельгии эта кандидатура вызвала недовольство, причем самыми яростными противниками оказались католические газеты. Так, одна из католических газет, «*Emancipation*», в номере от 29 апреля 1831 г. писала: «Характер Леопольда слишком известен, чтобы ошибаться в оценке его. Он пользуется сильной антипатией со стороны обеих наций, он является причиной всеобщего недоверия в настоящем и, несомненно, послужит причиной революционного кризиса в будущем, так что его кандидатура стоит в резком противоречии с интересами Бельгии вообще и с интересами Брюсселя в частности, потому что она является предвестником не спокойствия, а бури»⁴⁰. В подобном духе высказывались и другие католические газеты — «*Journal d'Anvers*», «*Gazette de deux Flandres*», «*Courcier de la Sambre*». Несмотря на враждебную агитацию католической прессы, 4 июня 1831 г. Национальный конгресс большинством в 137 голосов против 48 избрал Леопольда бельгийским королем. В Лондон тотчас же была отправлена торжественная депутация из четырех членов бельгийского Национального конгресса. Леопольд принял бельгийских депутатов и заявил им, что, пока бельгийский конгресс не примет «оснований разделения Бельгии и Голландии»⁴¹ и пока не решены все вопросы относительно бельгийских границ, торговых оборотов и финансов, он отказывается принять бельгийскую корону.

По предложению Пальмерстона Лондонская конференция постановила предоставить Бельгии и Голландии последним сроком для принятия ее постановлений 1 июня 1831 г. Если к этому сроку бельгийцы не исполнят требований великих держав, то последние вынуждены будут вступить в войну с ними.

Наступило 1 июня, но ни король нидерландский, ни бельгийцы не приняли предложенных Лондонской конференцией «оснований разделения». На заседании 4 июня брюссельский конгресс избрал принца Леопольда бельгийским королем, но не исполнил предварительных условий, поставленных конференцией.

По донесению Гурьева Ливену из Гааги от 14 июня 1831 г. можно судить о напряженной обстановке в Гааге в этот период. Получив меморандум Лондонской конференции от 1 июня, Гурьев решил поставить в известность министра иностранных дел Нидерландского королевства барона Верстолька де Сёлена о полученных рекомендациях. Суть этих рекомендаций заключалась в том, что необходимо было удержать короля на «примирительной линии, на которой он находится... предотвратить с его стороны всякие комбинации, враждебные естественному ходу, что соответствует его истинным интересам, которым он следовал до сих пор; помешать, наконец, чтобы, если он будет атакован, он предпринял агрессивные меры против бельгийцев, в то же время державы окажут ему возможную и эффективную поддержку»⁴². Таковы были рекомендации Лондонской конференции, переданные через барона Верстолька де Сёлена Вильгельму.

Через два дня министр иностранных дел Нидерландского королевства сообщил ответ короля: «Король считает своим долгом напомнить содер-

⁴⁰ Л. Бертран. Указ. соч., стр. 54.

⁴¹ АВПр, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 894, лл. 93—98.

⁴² Там же, д. 9234, л. 99.

жание ноты, которую полномочные представители передали Лондонской конференции 21 мая и в которой они изложили намерение его Величества короля объединиться с державами, чтобы положить конец затруднениям, вызываемым событиями в Бельгии. Если же бельгийцы быстро не примут «основ разделения», его величество оставляет за собой право действовать тем способом, который он сочтет приемлемым его достоинству и интересам его народа»⁴³. Таким образом, из этого донесения Гурьева явствует, что нидерландский король, несмотря на настоятельные рекомендации умерить свой воинственный пыл, продолжал упорствовать и угрожать бельгийцам военными демаршами. События 2 августа полностью это подтвердили.

Установление бельгийского нейтралитета великие державы считали большой победой. Франция, например, находила, что протокол разрушил созданную в 1815 г. политическую систему, воздвигнутую из ненависти к ней. Но, с другой стороны, этот же протокол исключал для Франции всякую мысль о подчинении Бельгии своему влиянию.

Бельгийские события и переговоры относительно принятия Бельгией выработанных конференцией «принципов ее международного положения» развивались параллельно и независимо друг от друга, но скрестились в момент выбора Бельгией принца Леопольда. Для Бельгии политической необходимостью было, чтобы принц принял предложенный ему престол, для принца же Леопольда чрезвычайно важно было вступить на престол не ранее того, как окончательно выяснится международное положение Бельгии, так как его признание было обусловлено признанием Бельгии, а признание Бельгии — принятием ею 11-го январского протокола. Протест Национального конгресса делал это невозможным, пока протокол оставался неизменным. Поэтому все усилия были направлены на изменение протокола. Все эти факты привели к тому, что Лондонской конференцией был принят еще один, новый 26-й протокол от 26 июня 1831 г., предлагавший Бельгии и Голландии видоизмененный текст статей. Новый протокол состоял из 18 статей и отличался от январских постановлений главным образом в двух моментах, содержавших уступки требованиям бельгийцев. Первый момент касался границ нового государства, второй носил более принципиальный характер — 18 статей были облечены в форму проекта договора Бельгии с другими державами, чем признавалось, что они могут сделаться обязательными лишь с ее согласия. Такая форма должна была успокоить бельгийское общественное мнение. Согласно этим 18 статьям Бельгия не должна была выплачивать половину государственного долга Голландии. Долг был разделен на бельгийский государственный долг до 1815 г. и голландский долг до этого года. Каждое государство обязано было платить лишь свой долг. И только за время существования объединенного Нидерландского королевства долг считался общим, по которому Бельгия и Голландия должны были платить поровну. Что касается Люксембурга, то между бельгийским королем, Германским союзом и Вильгельмом I должен быть выработан особый договор, и до его принятия сохраняется прежнее положение вещей; часть Лимбурга остается за Голландией.

Эти условия, значительно более легкие для Бельгии, чем выработанные конференцией в январе месяце, были приняты бельгийским правительством. Но в самой Бельгии началось брожение, бельгийцы с ненавистью говорили о возможности каких-либо территориальных уступок Голландии, требовали сохранения Люксембурга и во всем обвиняли «изменников» министров, предпочитавших немедленной войне гибель свободного отечества. Недовольство было так сильно, что в Льеже, Лувене и некоторых других городах собирались выступить против Брюсселя. Конгресс был буквально завален петициями об отклонении «ненавистных и

⁴³ Б. Нольде. Указ. соч., стр. 144.

пагубных» 18 статей. Такое настроение в стране не могло не отразиться на конгрессе, который никак не решался приступить к обсуждению условий мира, предложенных Лондонской конференцией. Только 2 июля началось обсуждение 18 статей. В течение целой недели велись горячие споры между сторонниками мира и приверженцами войны. Наконец 9 июля, после долгих дискуссий, большинством голосов (126 против 70) было принято предложение одобрить условия мира. 11 июля в Лондон прибыла бельгийская делегация и объявила, что брюссельский Национальный конгресс принял 18 статей. Теперь принц Леопольд мог совершить свой въезд в Бельгию в качестве короля.

Однако нидерландский король не только не принял договора из 18 статей, но, ссылаясь на то, что Бельгия не приняла в указанный срок январского протокола, объявил перемирие оконченным и начал против нее военные действия.

Гурьев в очередном донесении из Гааги от 2 августа подробно описывал события этих дней: «Накануне король назначил принца Оранского генералиссимусом армии, и тот уехал немедленно в штаб-квартиру, расположенную в Бреда. Несколько часов прошло с тех пор, как мы покинули барона Верстолька де Селена. И вдруг мы узнали, что принц получил приказ его величества перейти границу во главе войск и атаковать бельгийцев. Мы, мои коллеги из Австрии, Пруссии и я, тотчас вернулись к министру, чтобы потребовать от него правдивых и искренних объяснений о причинах и цели этого демарша, в котором мы не могли больше сомневаться. Барон Верстольк изложил нам жалобы короля на действия конференции с самого начала переговоров и на обстоятельства отъезда принца Леопольда из Лондона, его приезда в Брюссель и его выборов. Он добавил, что король разделяет мнение о ликвидации различий между Бельгией и Голландией только с помощью принудительных мер, которые державы приносят в жертву миру. Необычное положение, в котором находится его величество, принуждает его к тем мерам, которые он только что предпринял. Он не может ни физически, ни морально удерживать так долго армию в бездействии, призывая ее вернуться к своим очагам... Его величество начал военные действия с единственной целью добиться выполнения соглашений, заключенных пятью дворами и гарантируемых ими, и с этих пор речь идет не о европейском вопросе, касающемся независимости и суверенитета Бельгии, а о деле чисто голландском и сугубо домашнем»⁴⁴. Заканчивая свое донесение, Гурьев справедливо отмечал, что король рассчитывал на превосходство голландцев и что эта атака, без сомнения, застанет бельгийцев врасплох⁴⁵. Анализируя этот неожиданный демарш Вильгельма, Гурьев высказал мысль, что голландский король «льстит себя надеждой, что французское правительство не оставит на произвол судьбы Бельгию под скипетром непопулярного во Франции принца Леопольда. В этом он надеется увидеть зерна зарождающихся разногласий внутри альянса, которые могут привести к всеобщей войне, предмету всех его мыслей»⁴⁶.

Итак, 2 августа голландская армия под командованием принца Оранского снова появилась в Бельгии. 12 августа, потерпев ряд поражений от голландцев, бельгийская армия во главе с Леопольдом была атакована принцем Оранским под Лувеном. В этой ситуации лорд Руссель представитель английского посланника, передал принцу Оранскому письмо, в котором ему сообщалось, что Франция и Англия желают прекращения военных действий. Принц хотел оставить это письмо без внимания, но английский посланник Роберт Адер, лично прибывший на место действий, стал упрашивать принца Оранского остановить свое наступление и поща-

⁴⁴ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 9234, лл. 120—123 (на франц. языке).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

дить Лувен. Принц соглашался на перемирие при условии, что бельгийцы оставят Лувен и передадут его голландцам. Пока шли переговоры между английским посланником и принцем Оранским, один из голландских военачальников, герцог Саксен-Веймарский, обошел армию Леопольда и вышел на дорогу, ведущую из Лувена в Брюссель. Бельгийцы были окружены, и тогда генерал Бельяр явился к герцогу Саксен-Веймарскому и от имени Франции потребовал прекращения военных действий.

Бельгийское правительство в этой ситуации вынуждено было обратиться к Франции, обещавшей Бельгии помощь и защиту. Казимир Перье по первому же призыву Леопольда стал действовать на свой страх и риск. По его распоряжению 50 тыс. французских солдат под командованием маршала Жерара вступили в Бельгию. 12 августа они заняли Брюссель. Голландцы вынуждены были уступить, даже не пытаясь сражаться, и 20 августа, не сделав ни единого выстрела, поспешно отступили на свою территорию; в их руках остался только Антверпен.

Смелое решение Казимира Перье вызвало явное недовольство со стороны России, Австрии, Пруссии и Англии. Французское правительство заявило, что вынуждено было действовать в крайней спешке и что маршал Жерар и его войска будут отозваны. Действительно, очень скоро это было исполнено ⁴⁷.

Английское правительство продолжало проявлять недовольство по поводу позиции Франции в бельгийско-голландском конфликте и стало выказывать меньше сочувствия к стремлениям бельгийцев, чем за несколько недель до этого. Под предлогом того, что нидерландский король не соглашается принять договор 18 статей, английские представители на конференции предложили изменить ранее принятые решения относительно Бельгии. Представители Австрии, Пруссии и России, пользуясь возможностью причинить неприятности Франции, поддержали Англию в ее намерениях.

Теперь Лондонская конференция выработала новое соглашение, гораздо менее выгодное для Бельгии, чем предыдущее. Этот проект договора, названный проектом 24 статей, предоставлял Бельгии только часть Люксембурга и оставлял столицу этого государства в руках нидерландского короля. Вильгельм I получал также значительную часть Лимбурга, кроме того, он удерживал за собой Маастрихт, Венло и левый берег Шельды. Новый договор вводил также налог в пользу Голландии на судоходство по Шельде и устанавливал долю Бельгии в долговых обязательствах размером в 84 млн. флоринов.

Брюссельский Национальный конгресс, естественно, с большим неудовольствием встретил новый договор 24 статей. Но обстоятельства не позволили отвергнуть его. Англия представляла его как своего рода ультиматум. В конце концов брюссельский конгресс подчинился приговору конференции, и 15 ноября 1831 г. представитель Бельгии в Лондоне Ван де Вейер подписал договор, в силу которого пять великих держав гарантировали Бельгии исполнение 24 статей и заверили бельгийское правительство в своем дружественном расположении к королю Леопольду. Но Вильгельм I отказался подписать и этот договор.

Так как голландцы продолжали занимать Антверпенскую крепость, Бельгия снова прибегла к иностранной помощи. Английский флот блокировал голландские берега, а маршал Жерар принудил голландский гарнизон капитулировать. Только шесть лет спустя голландский король принял договор 24 статей.

Так закончилась сложная дипломатическая борьба, в ходе которой Бельгия была признана самостоятельным независимым государством.

---

⁴⁷ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 9175, л. 2. Медем — князю Ливену из Парижа, 23 августа (9 сентября) 1831 г.

Материалы к теме

А.Намазова. Бельгийская революция 1830 года
(монография)

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p54203104.htm>

А.Намазова. Брабантская революция 1787-1790 гг.

http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/01_06/BRABANT.HTM

А.Намазова. Парижские коммунары в Бельгии

http://vive-liberta.narod.ru/journal/commune-4_fe-81.pdf